

Сирил Асланов, Еврейский Иерусалимский Университет
msaslan@mail.huji.ac.il

—
13 мая 2015

О “W или Воспоминание детства” Жоржа Перека

1. Семиотика букв

W = double V “V dédoublé” = X = svastika

W = Wilson/ Winckler

W = V + V ? (бинарная структура)

W = M ? = mem = псевдо-буква gammeth/ gammel

W/Le souvenir d'enfance

= W/V vie “жизнь” => WV = V + V + V (тринарная структура)

= A:W (Winckler); B:M (mère; maman)/C (Cyrila; Cécile); C: Intertexte

= Première partie “Часть первая” = главы 1-11 / (...) / Deuxième partie “Часть вторая” =
главы 12-37

Nord-W = NW / Ouest-W = WW/ Nord-Ouest-W = NWW = Пролиферация буквы W

только север и запад (тевтонские направления)

=

Ловкие домыслы, строящиеся на изучении определённых обычаев (например, привилегий, предоставленных той или иной деревне) или до сих пор употребляемых отчеств, могли бы, вероятно, кое-что уточнить и прояснить в истории W, в происхождении переселенцев (о них точно известно лишь то, что они были белыми, западными европейцами, почти исключительно англо-саксами: голландцами, немцами, скандинавами, представителями того надменного класса, который в Соединённых Штатах называют WASP, в их численности, в законах, которые они себе дали, и т. п. (глава 12)

2. Генезис текста или призрачный текст

W1 (proto-W) = W [1970-1974] (?) = рисунки, о которых автор пишет в последней главе
(из 13-ой главы)

Отныне воспоминания существуют, мимолётные или прочные, незначительные или тягостные, но ничто их не объединяет. Они подобны этому бессвязному письму, собранному из отдельных букв, неспособных слиться, чтобы составить слово, письму, которое до семнадцати-восемнадцати лет было моим, или этим разбросанным, раздробленным рисункам, разрозненные элементы которых почти никогда не могли соединиться и которыми, во времена W, скажем, между одиннадцатью и пятнадцатью годами, я покрывал целые тетради: персонажи, никак не привязанные к земле, которая, казалось бы, должна была их поддерживать, корабли, у которых паруса не крепились на мачтах, а мачты не крепились на корпусах, военные орудия, смертоносные аппараты, аэропланы и автомобили с невероятными механизмами, с отцепленными трубками, оборванными тросами, прокручивающимися на холостом ходу маховиками; крылья самолётов отсоединялись от фюзеляжей, ноги атлетов отделялись от туловищ, плечи от торсов, руки не могли ничто схватить.

3. (из главы 10)

Третье, похоже, — самое организованное. В школе нам присуждали баллы, — жёлтые или красные квадратные карточки с надписью «1 балл», обрамлённой гирляндой. Если за неделю набиралось определённое количество баллов, это давало право на медаль. Мне очень хотелось получить медаль, и однажды я этого добился. Учительница приколола медаль к моему переднику. После урока на лестнице возникла толчея, которая передавалась от ступеньки к ступеньке, от ребёнка к ребёнку. Я оказался посередине лестницы и сбил одну маленькую девочку. Учительница решила, что я сделал это нарочно; она подбежала ко мне и, не слушая моих возражений, сорвала мою медаль.

Я вижу, как я спускаюсь по улице де Курон тем особым способом бега, который существует у детей, но я до сих пор физически чувствую этот толчок в спину; это проявление явной несправедливости и кенестетическое ощущение нарушения равновесия, навязанного мне другими, спущенного на меня сверху, обрушенного на меня, остаётся столь прочно вписанным в моё тело, что я спрашиваю себя, не скрывает ли на самом деле это воспоминание свою точную противоположность: **воспоминание не о сорванной медали, а о приколотой звезде?**

4. (из главы 20)

Все эти дополнительные почётные титулы означают нечто большее, чем простые знаки уважения: действительно, согласно обычаю с титулами связаны те или иные привилегии. Классифицированные Атлеты (то есть, обладающие как минимум одной фамилией) имеют право находиться без сопровождения на территории Центрального Стадиона. Обладатели двух фамилий (например, Амстел-Джоджонс, 3-й в 100 м в Н.-В.-W, олимпийский экс-чемпион) имеют право на дополнительный душ. Обладатели трёх фамилий (например, Моро-Пфистер-Казанова, 2-й на 400 м в W, 2-й на 400 в W-Н.-W, победитель Атлантиады) имеют право на личного тренера, которого называют **Обершриттмахером, то есть Генеральным Тренером, наверняка потому, что первым эту должность занимал немец;** обладатели четырёх фамилий имеют право на новую тренировочную форму и т. д.

глава 21

Как-то в колледж пришли немцы. Это было утром. Мы издали увидели, как два офицера пересекают школьный двор в сопровождении одной из директрис. Как обычно, мы пошли на уроки, и больше их не видели. В полдень прошёл слух, что они всего-навсего просмотрели классные журналы, после чего ушли, реквизируя откармливаемую поваром свинью (я помню эту свинью: она была огромной и питалась исключительно очистками).

5. (из главы 25)

В начале учебного года я придумал довольно любопытную стратегию: объявил своим одноклассникам, что на следующий год еду в Палестину, и продемонстрировал им кусочек киноплёнки, как бы в подтверждение того, что я не лгу; эта операция была не совсем бескорыстной; её целью было получение порций от полдников, которые мои товарищи ели в четыре часа: после установления самого факта моего отъезда в Палестину я обещал то одному, то другому из них прислать ему килограмм, десять килограммов, сто килограммов, ящик апельсинов, этих волшебных фруктов, о которых мы имели исключительно книжное представление; если он отдавал мне половину своего полдника, то на следующий год получал целый воз апельсинов, а в качестве гарантии этой ограниченной сроком сделки, я немедленно вручал ему маленький кусочек киноплёнки. На мои уговоры поддался всего один ребёнок: он отдал мне половину своего полдника, но сразу же после этого побежал к директрисе и пожаловался. Я оказался вором и лгуном. Я был сурово наказан, но не помню, в чём именно заключалось наказание.

6. (глава 35)

Затем я пошёл с тётей на выставку, посвящённую концентрационным лагерям. Выставка проходила в районе Ла Мот-Пике-Гренэль (в тот день я обнаружил, что существует не только подземное, но и наземное метро). Я помню фотографии стен крематориев,

исцарапанных ногтями тех, кого травили газом, и изготовленные из хлебных катышков шахматы.

7. (глава 37) (последняя)

На протяжении нескольких лет я рисовал спортсменов с жёсткими телами и бесчеловечными лицами; я скрупулёзно переписывал их беспрестанные бои; я упорно перечислял их бесконечные наградные списки.

Спустя много лет я прочитал в «Концентрационном мире» Давида Руссе следующее:

«Структура лагерей подавления определяется двумя основными ориентирами: «спорт» вместо работы, ничтожный подкорм вместо еды. Большинство заключённых не работает, а это значит, что даже самая тяжёлая работа воспринимается ими как везение. Малейшее задание следует выполнять бегом. Побои, обычные и в «нормальных» лагерях, становятся здесь рутинными пустяками, сопровождающими каждый час дня и даже ночи. Одна из игр заключается в том, чтобы заставлять заключённых очень быстро и много раз одеваться и раздеваться; а также выбегать из Блока и вбегать в него, в то время как у двери два эсэсовца оглушают Haeflinge ударами Gummi. В крохотном квадратном бетонном дворе людей принуждают устраивать спортивные игры: под ударами хлыста очень быстро и без остановок бежать по кругу; прыгать по-лягушачьи, причём самых медлительных под гомерический смех эсэсовцев бросают в бассейн с водой; бесконечно быстро приседать, не отрывая пятки от земли с вытянутыми вперёд руками; очень быстро (всё время быстро, быстро, Schnell, los Mensch) падать лицом в грязь и вставать по сто раз подряд, затем бегать, умываться, обливаться водой и целые сутки ходить в мокрой одежде».

* * *

Я забыл о причинах, которые в двенадцать лет побудили меня выбрать для размещения W Огненную Землю: фашисты Пиночета сделали всё, чтобы придать моему фантазму предельный отзвук: многие острова Огненной Земли стали сегодня депортационными лагерями.